

Раньше мои деньги и вещи хранились у Сяолан: тратила, не считая, и суммы никогда не сходились. Позже я поручила учёт Госпоже Ян, но и она не проявляла усердия. С дорогими предметами было лучше, а вот с деньгами и шёлком постоянная путаница. Забавно: я, крайне обласканная принцесса, с множеством подарков и доходов с владений, живущая во дворце, где редко трачу свои средства, — и всё же частенько оказывалась без гроша, когда требовалась крупная сумма. Осознав это, я установила правила: регистрировать все поступления и расходы, хранить ключи у двух человек, разделить охрану описей и кладовой, проводить регулярные проверки и возлагать ответственность на каждого согласно должности. После этого тёмные делишки поутихли, и маленькая кладовая в Храме Пэнлай быстро заполнилась до отказа, связки монет громоздились под потолок.

Мои нововведения многим в обители пришлось не по нраву. Когда я объявила о правилах, на лицах многих служанок появилось недовольство. Я хотела выяснить, кто именно, и спросила Вэй Хуань, не заметила ли она. В ответ она лишь насмешливо покачала головой. Тогда я лишь разозлилась, но много дней спустя поняла глубину её слов: как бы они ни роптали, пока не нарушают правил, я не могу их наказать, иначе стану правителем, карающим за мысли. А как бы они ни злились, раз я решила установить порядок, им ничего не остаётся, ибо я — госпожа, а они — слуги. Власть разделяет нас непреодолимо. У каждой твари — свой путь.

Хотя с посторонними Вэй Хуань была лицемерна, со мной она говорила правду. Как-то раз она сказала, что Госпожа Ян, которой я так доверяла, на самом деле не так обо мне заботится, как кажется. Эта вскормившая меня молочная мать намеренно отдаляла меня от других.

В последнее время, будь то из-за занятий с Ваньэр или благодаря намёкам Вэй Хуань, я стала понимать многое, что раньше ускользало. Но чем больше я понимала, тем больше восхищалась не своими ровесницами, столь опередившими меня в зрелости, а отцом и матушкой.

Подумать только: я управляю лишь крохотным дворцом, где под моим началом сотня слуг, да и тех тщательно отбирали родители, Приказ Дяньчжун и Ведомство внутренних дел. Справиться с ними — уже тяжкий труд. Как же отец с матушкой управляют всей империей, да ещё и поддерживают в ней порядок? Каков же размах их замыслов и сила их рук? Отец родился принцем, вырос в сердце державы, с детства его окружали мудрые наставники и добродетельные сановники, так что его успехи как императора были ожидаемы. Но матушка, поднявшаяся сама, шаг за шагом — какой же врождённый дар и какие нечеловеческие усилия потребовались для этого?

Так незаметно прошла осень одиннадцатого года Линьдэ. С наступлением зимы наконец-то сыграли долго откладывавшуюся свадьбу наследного принца, а наследник Ли Шэн, заточённый для учёбы в Восточном дворце, снова получил назначение — курировать ремонт дворцов в округе Ло.

Недавно получивший титул Князя Цзи Ли Жуй был награждён тысячью дворов за несколько мелких побед над Туфанем и поставлен во главе составления «Трактата о сыновней почтительности». Идею книги подал Сюй Цзинцзун. По его словам, засуха нынешнего года — следствие падения нравов. Чтобы явить миру добродетель и исправить обычаи, следовало издать книгу, собравшую деяния всех добродетельных мужей прошлого и настоящего в назидание Поднебесной. А поскольку основа добродетели — сыновняя почтительность, книгу следовало назвать «Трактат о сыновней почтительности». Составлять же её должен был человек высокого положения, но ещё молодой. Лучшая кандидатура — сын нынешних Двух Священных, брат наследного принца, Князь Цзи Ли Жуй.

Наша династия правит, опираясь на сыновнюю почтительность, поэтому отец с матушкой не

могли не одобрить столь благое начинание. Матушка даже повелела, помимо Академии Хунвэнь, открыть Академию Гуанвэнь и отобрать триста учёных в помощь Ли Жую.

В двадцатый день одиннадцатого месяца одиннадцатого года Линьдэ отец с матушкой, оставив новобрачного наследного принца Ли Шэна, взяли Ли Жую и меня и отбыли в горячие источники округа Жу.

Источники в Жу назывались Озером Гуанчэн. Со времён Хань это было императорским заповедником, и, несмотря на смену династий, оставалось местом охоты и омовения для правящего дома. После инцидента у ворот Сюань, когда император Гаоцзу был напуган, дед, желая явить сыновнюю почтительность, велел отыскать лучшие места близ обеих столиц для строительства охотничьих парков и дворцов. Озеро Гуанчэн расширили и превратили в дворец Сянчэн, а горячие ключи развели по множеству больших и малых купален для императорского пользования.

Поскольку купален было мало, а народа много, ещё при выезде отец повелел, чтобы мои компаньонки временно вернулись домой к родителям в свите. По прибытии же во дворец он отослал всех выделившихся в отдельные резиденции принцев, то есть Ли Жую, в дома местных чиновников. В самом дворце остались лишь отец, матушка, две недавно обласканные кайжэнь, я и наша прислуга.

О двух новых фаворитках отца я догадывалась заранее. В этом году я несколько раз замечала, что он ночевал не с матушкой, а его слуга Гао Чанлин частенько появлялся в задних покоях с таинственным видом. Впервые столкнувшись с ним, я специально с ним поздоровалась, чем привела его в немалый трепет. Позже он освоился и, встречая меня в покоях, как ни в чём не бывало подходил, улыбался и обменивался парой слов.

Каких-то особых впечатлений от тех кайжэнь у меня не осталось. Знаю лишь, что обе были молоды, немногим старше меня, и красивы. А как именно — и не описать. Красавиц в задних покоях и без того тьма, и все они на один лад: те же лица, та же манера речи, платья тоже похожи.

Я как-то нерешительно намекнула об этом матушке, осторожно выznавая её настроение. Но она лишь улыбнулась, потрепала меня по голове со словами: «Всё же дочь ближе к матери», — и велела принести мне множество яств. Больше она ничего не сказала, даже сама распорядилась, чтобы те кайжэнь вошли в свиту.

Я понимала, что в наше время для мужчин такое поведение в порядке вещей, а верность — скорее порок среди знати. Но на душе всё равно было беспокойно, и, встречая отца во дворце, я невольно корчила какую-то странную гримасу.

Отец, разумеется, не ведал моих мыслей и, решив, что мне нездоровится, специально вызвал придворного лекаря. Убедившись, что я в порядке, он особым указом дозволил мне пользоваться всеми купальнями в парке.

Весть о вызове лекаря долетела до матушки, и дело приняло серьёзный оборот. Не знаю, как они с отцом договорились, но через день мне вдруг разрешили свободно разъезжать по всему парку и охотничьим угольям. Матушка даже специально вызвала меня и сказала, что раз мы в загородной резиденции, мне не обязательно каждый день заниматься с Ваньэр — достаточно попрактиковаться в каллиграфии.

При такой материнской милости возражать, конечно, не приходилось. В тот же день я в приподнятом настроении отправилась на конюшню — отец содержал в столице шесть

конюшен, и в каждую поездку брал несколько десятков коней из одной по очереди. На сей раз взяли коней из конюшни Фэйлун. Краше всех был восьмилетний белый жеребец по кличке Фэйлун. Шерсть лоснилась, стати безупречны, а нрав, что редкость, — кроткий и послушный, никогда не лягался. Его преподнесла матушке тётушка Цинхэ, но та нашла его слишком смиренным и использовала лишь для парадных выездов. Мне же он очень нравился. Получив дозволение, я тут же велела его оседлать, вскочила в седло, сделала несколько кругов рысцей и, гордо вскинув голову, спросила Вэй Хуань: «Ну как?»

Вэй Хуань подошла, потрепала Фэйлуна по шее и равнодушно молвила: «Упитан, статен, шерсть лоснится. Уход отменный».

Я знала, что она, как и матушка, любит горячих коней, и спорить не стала. Сделав ещё пару кругов, я внезапно воодушевилась и, указав хлыстом в сторону охотничьих угодий, воскликнула: «Четвёртая сестра, а не поохотиться ли нам?»

Отец Вэй Хуань не имел права входить в свиту, да и она сама не была официальной служанкой, так что я смогла упросить отца взять её под предлогом уроков верховой езды. Поэтому каждый мой визит на плац или в конюшню она меня сопровождала.

Вэй Хуань лениво подняла на меня глаза. «Стоит ли? Морозно, не то что людям — зверьё попряталось. Гоняться по полям, продуваемым всеми ветрами, да ещё без надежды на добычу? Лучше дождаться весны и съездить на охоту в столичные окрестности».

<http://bllate.org/book/16278/1465997>